

ДРЕССИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ: ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

А.А. Карпенко

*Общеобразовательная школа № 19
пос. Степного (Тихорецкий район)*

Аннотация: *В статье предпринимается попытка разработки концепта дрессированной истории на примере памяти о Великой Отечественной войне. Кратко рассматриваются основные позиции в отношении начального периода ВОВ, представленные в современной историографии. Выдвигается предположение о том, что подмена памяти о трагедии ВОВ мифологией победы служит оправданию государственного насилия и безответственности власти перед населением. Предпринимается попытка показать, как память о ВОВ используется властью современной России в качестве ресурса негативной мобилизации.*

Ключевые слова: *дрессированная история, историческая память, Великая Отечественная война, негативная мобилизация, комплекс врага, «гибридная» история.*

Дрессированная история в содержательном отношении призвана обслуживать государство и бюрократический аппарат такой версией прошлого, которая легитимизирует существующий политический режим и оправдывает насилие по отношению к собственному народу со стороны власти; создаёт «патриотическую историю», обеспечивая воспитание государевых лакеев с целью воспроизводства сложившегося порядка. Основными задачами такой истории выступают: во-первых, оправдание насилия в отношении собственного народа; во-вторых, воспроизводство сложившегося порядка распределения власти и ресурсов. В нормативном смысле дрессированная история является одной из форм отношения власти-знания. Как отмечает М. Фуко, «...следует исходить из того, что познающий субъект, познаваемые объекты и модальности познания представляют собой проявления этих фундаментальных импликаций отношения „власть-знание“ и их исторических трансформаций. Словом, полезное для власти или противящееся ей знание производится не деятельностью познающего субъекта, но властью-знанием, процессами и борьбой, пронизывающими и образующими это отношение, которое определяет формы и возможные области знания» [Фуко 1999]. В дескриптивном смысле дрессированная история представляет собой описание различных версий истории, возникающих как продукт отношения власти-знания. Описание условий возникновения различных версий прошлого, их целей, аргументации, используемых и вытесненных фактов. Проблемы исторической памяти и амнезии, исторических мифов, их структур и целей становятся одними из ключевых вопросов концепта дрессированной истории.

Данные утверждения основываются на исследованиях М. Ферро, В.А. Шнирельмана, А.И. Борозняка. Марк Ферро на основе анализа опыта преподавания истории в разных странах мира отмечает: «Поскольку же она (история — прим. автора) равным образом связана с передачей политической власти, то содержание исторического процесса воспроизводится соответственно с интересами власти имущих... „Достоинства предков могут быть обнародованы, но их неудачи, ошибки замалчиваются. Войны всегда победоносны, а государи образцовы“» [Ферро 2010: 44–45]. Огромную роль и заинтересованность государства в формировании определённых версий прошлого или социальной памяти отмечает и В.А. Шнирельман [Шнирельман 2006].

Значительную трудность для исторической науки представляет и тот факт, что историк не является сторонним наблюдателем исторического процесса, а сам есть часть какой-то определённой культуры, в которой имеется тот или иной вариант исторической памяти. Историк также представляет собой и субъекта исторического процесса, особенно если подразумевается его роль в формировании исторической памяти. В связи с этим М. Ферро пишет, что стремление искоренить мифы, искажения, несогласия в описании прошлого — иллюзорны [Ферро 2010: 407]. В таком контексте, по мнению М. Ферро, задачей исторического познания становится идентификация таких мифов, искажений, замалчиваний, ошибок прошлого. В таком контексте приобретают свою значимость вопросы фальсификации и идеологизации прошлого. В частности, это касается и истории Великой Отечественной войны.

Осложнили задачу исследования периода Великой Отечественной войны и те тенденции, которые возобладали в России в конце 1990-х — начале 2000-х, когда на смену «архивной революции» пришло повторное засекречивание ряда документов, некоторые из которых были ранее опубликованы. В связи с изменением государственной политики стали более активны сторонники «традиционной» (советской) версии ВОВ, авторы которой оправдывали политику сталинского руководства [Начало... 2011: 5, 9, 10]. При этом, по замечанию М. Мельтюхова, защитники официальной версии используют даже фальсифицированные документы (имеется в виду «Выступление на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) (конец мая 1941 года)» и «Беседа с А.М. Лавровым 18 июня 1941 года»), цель которых состоит в том, чтобы подтвердить отсутствие у СССР наступательных планов войны и оправдать советскую разведку, — что она, якобы, передавала в Кремль только достоверные сведения [Мельтюхов 2000].

Однако проблема фальсификации не единственная. Несмотря на повторное засекречивание архивов, опубликованных документов оказалось достаточно, чтобы подвергнуть серьёзной критике традиционную версию¹, но недостаточно, чтобы все вопросы ВОВ были решены. Тот факт, что информационные модели, описывающие прошлое, не являются постоянными, очевиден. Прошлое всегда переосмысливалось под «натиском» современности или обнаружения новых фактов, ранее неизвестных. Но это не мешает некоторым авторам игнорировать данное обстоятельство в дискуссии о ВОВ. Появляются работы, в которых утверждается, что надо быть идиотом, чтобы обращаться с упрёками к народу-победителю с поветями о трусах и предателях [Ильинский 2015: 62]. Видимо, по мнению подобных авторов, лучше забыть об этом и писать только «идеальную» и «патриотическую» историю. Все выхо-

¹ Весьма условно традиционную версию можно описать следующим образом: 1) внешняя политика СССР была исключительно миролюбива; 2) заключение пакта Риббентропа-Молотова оправдывается тем, что СССР, якобы, остался брошен Англией и Францией, и иного выбора не было; 3) поскольку СССР был ещё не готов вступить в войну с нацистской Германией, то он стремился оттянуть время нападения, что также склонило Сталина к заключению пакта; 4) СССР готовился исключительно к обороне, но «хорошо» подготовиться не успел; 5) внезапность нападения и превосходство вермахта в живой и материально-технической силе обусловили трагичный исход кампании для СССР.

дящее за рамки «идеальной» истории представляется им как фальсификация и мифотворчество, происки зарубежных и внутренних противников России. Другие исследователи обвиняют своих оппонентов в том, что те при рассмотрении вопроса о виновниках войны следуют логике Гитлера, когда говорят о частичной виновности СССР в развязывании войны [Мандрик, Пархимович 2010]. Очевидно, авторы следуют здесь давно устоявшейся ещё в советской историографии идее о патологическом миролюбии СССР. И отказываются признать аморальность аннексии Польши, присоединения балтийских стран, агрессии по отношению к Финляндии. Третьи сожалеют, что история войны «в нашей стране характеризуется разночтением основных событий и их оценок» [Лаптев 2015: 472]. А В.Р. Мединский задаёт вопросы: «Откуда рождаются настолько чёрные мифы? Может быть, прав был старый чекист Крючков? Прав, говоря, что все эти мифотворцы, просто не любят свою Родину — Россию?» [Мединский 2011: 6–7]. И отмечает, что без *правильного* понимания прошлого, будущего у нас нет. В связи с этим В.Р. Мединский и предлагает «отмыть», «почистить», «отполировать», «наполнить новым содержанием и реальной фактурой» советский миф о войне, а также создать позитивную мифологию о войне. Такие авторы, по всей видимости, желают иметь лишь одну историю, которая не может не быть тиранической. У всех перечисленных авторов можно выделить несколько общих, объединяющих эти работы идей: во-первых, стремление написать «великую», «идеальную» и единственно «истинную» версию истории ВОВ; во-вторых, стремление приписать победу над нацизмом только советскому-российскому народу и лишить другие народы права быть участниками победы; в-третьих, оправдать преступления сталинского режима. Оправдание сталинский режим получает и в работе В.Р. Мединского. Он утверждает, что восстановление границ Российской империи велось в интересах не только большевистской элиты, но (если отбросить порочную экономическую модель, сталинский репрессивный аппарат, марксистско-ленинскую риторику) и в интересах *ВСЕГО* русского народа [Там же: 35]. Подобные работы стоит рассматривать как разновидность цинизма.

Наиболее интересными темами, отмечает М.М. Минц, для исследователей стали: внешняя политика советского союза и военное строительство в предвоенный период, причины неудач Красной армии в первые месяцы войны. Дискуссия о целях военных приготовлений СССР в первой половине 1941 года. Появились такие исследования, как: история повседневности, военно-доктринальные установки сталинского руководства и представления о будущей войне, история советской пропаганды [Начало... 2011: 10–11], тема советского коллаборационизма [Чубарьян 2005].

В целом дискуссия далека ещё от завершения, но можно выделить основные «лагеря», которые уже сформировались. А.В. Шубин выделяет три таких «лагеря»: первый — это «наступатели»; второй — это «оборонцы», и третий — это неопределёвшиеся, по причине недостатка данных. Наименование каждого лагеря говорит само за себя. «Наступатели» отстаивают идею (с теми или иными оговорками) о том, что Сталин в 1941 году готовился нанести удар по Германии и наступать на Берлин. Данная позиция в ее наиболее радикальном варианте была представлена в нашумевших работах В. Суворова (В. Резуна), что собственно и спровоцировало последующую дискуссию [Шубин 2008]. Хотя, как справедливо заметил А.В. Шубин, пальма первенства выдвижения наступательной концепции в нашей стране принадлежит не В. Суворову, а Д.М. Проэктору. Анализируя причины неудач Красной армии, Д.М. Проэктор задался вопросом, не готовил ли Сталин армию не только для обороны, но и для наступления? В частности, он писал: «...Складывалось мнение, что мы сильны, можем опередить противника, нанести ему удар и разгромить на его территории прежде, чем он нападёт на нас» [Проэктор 1989: 311]. Д.М. Проэктор предполагал, что в будущем учёные найдут подтверждение таким намерениям; именно исходя из них и была организована переброска войск к границе.

«Оборонцы» отстаивают идею об исключительно оборонительных намерениях СССР. Одним из основных тезисов «оборонцев» является превосходство Германии в силе. Л.А. Мерцалова и А.Н. Мерцалов задают вопрос: «...Было ли создано трёхкратное превосходство для наступления?» [Шубин 2008]. Но на начало войны соотношение сил было 1 к 1,3 по силе в пользу Германии; вероятно, исходя из логики Мерцаловых, можно предположить, что вермахт тоже не готовился к войне, а вот по военнотехническое превосходство было на стороне СССР. И в случае «превентивного удара», по мнению А.В. Шубина, превосходство в пехоте Германию не спасло бы. К тому же, как показывают сравнительные исследования военной техники, даже «устаревшая» советская техника не уступала немецкой, лучшие образцы которой были на уровне инженерной мысли 1926–1928 гг., а современные образцы, такие как танки «КВ» и «Т-34», во многом превосходили.

План удара по Германии от 15 мая 1941 года «оборонцы» не воспринимают как доказательство наступательных намерений, доказывая тем, что на нем нет подписи Сталина. По замечанию А.В. Шубина, который ссылается на воспоминания Василевского, Сталин не ставил никаких пометок и на планах 1940 г.; все указания давались устно [Шубин 2008]. Поэтому отсутствие подписи Сталина не может доказать, что этот план был недействительным, ведь войска-то двигались к границе в соответствии с этим планом. А. Чубарьян констатирует, что на рубеже декабря 1940 – января 1941 года в Кремле было принято решение о подготовке к войне [Чубарьян 2005], а А.В. Шубин пишет о появлении первых планов удара по Германии в июле-сентябре 1940 года [Шубин 2008]. В.А. Невежин, исследуя советскую пропаганду, приходит к следующим выводам: «...Накануне 22 июня 1941 г. в советской пропаганде наметился поворот, и она начала перестраиваться под лозунгом „наступательной войны“. ...В пропагандистских советских документах проводилась мысль о необходимости всесторонне готовиться к войне, в любой обстановке действовать „наступательным образом“» [Невежин 2006].

Весьма интересна позиция самого А.В. Шубина. Анализируя имеющиеся данные, стратегию «клещей», он приходит к следующим выводам: «У Сталина была полусобранная наступательная военная машина. У него не было времени переделывать эту машину в оборонительную. Пришлось применять наступательные методы (контрудары), жертвуя жизнями ради главного — выигрывать время, необходимое для перестройки военной машины. Ход военных действий в 1941 г. непосредственно вытекал из краха логичной стратегии Сталина. Теперь нужна была новая стратегия — выигрывать время. Чтобы пожать плоды авантюризма Гитлера, Советскому Союзу нужен был лишний месяц. Нужно было выиграть этот месяц, чтобы немцы подошли к Москве позднее, сначала в распутицу, а затем в морозы» [Шубин 2008].

Несмотря на многообразие работ и бурный ход дискуссии, многие вопросы остаются нерешенными, а учитывая наличие засекреченных документов, многие объяснения представляют собой лишь гипотезы, подтвержденные только частично. Однако В.П. Макаренко констатирует вполне определённый факт: «Память о войне как трагедии подменена памятью о победе. В итоге память о государственном насилии оказалась на периферии массового сознания» [Макаренко 2014: 8]. Помимо памяти о государственном насилии на периферию массового сознания выносятся такие актуальные вопросы как: почему произошла трагедия в 1941 году? Кто несёт ответственность за неудачи Красной армии? Какова вина сталинского руководства? Кто несёт ответственность за человеческие жертвы? Моральна ли была политика в предвоенные годы или она требует осуждения? Если вина установлена, то должен ли быть сталинский режим расценён как преступный и официально осуждён?

Лев Гудков отмечает, что в массовом сознании россиян наблюдается существенное противоречие. «Без Сталина невозможно представить себе победу», — так отвечают 68 % респондентов. И те же люди говорят, что Сталин виновен в гибели миллионов людей. Как за-

ключает Л. Гудков, граждане не способны морально оценить прошлое. Вытеснение трагедии массового террора и государственного насилия при Сталине приводит к более сложной проблеме — к вытеснению идеи ответственности власти перед обществом. Из этого можно сделать вывод: «...То, что за этим стоит, это неготовность признать советскую систему преступной. Доходит до этого, Сталин виновен — да, но можно ли назвать его государственным преступником, ответственным за это? Категорически нет. И это важная вещь, это блокирует идею ответственности власти перед населением» [За любовь... 2015]. Но есть и другой аспект. Ведь любой режим на «штыках» долго существовать не может², а значит, сталинский режим имел поддержку среди населения. И если признать сталинский режим преступным, то это значит рассматривать советский народ, в том числе и поколение победителей, как соучастника преступлений, с молчаливого согласия которого они совершались.

Идентифицировать себя с преступным режимом не так «привлекательно», как с «великим подвигом», который спас не только наше государство, но и всю Европу от «коричневой чумы». Вероятно, именно это фактор также препятствует признанию сталинского режима преступным в современной России. К тому же идея «великого подвига», «великой победы» значительно лучше вписывается в современную российскую культуру милитаризма³ [Макаренко 2013]. В Германии после Второй мировой войны наблюдались похожие явления. Немецкая нация стремилась уйти от ответственности за преступления гитлеровской диктатуры, немцы предпочитали ощущать себя невинными жертвами режима, действовали механизмы вытеснения из исторической памяти событий, связанных с реализацией плана «Барбаросса», господствовала идея единоличной ответственности фюрера за германскую катастрофу [Борозняк 1999: 151, 152, 154]. А.И. Борозняк пишет, что тяга к забвению «нежелательного прошлого» легко приводит к оправданию или полуоправданию тоталитарной диктатуры и преступлений режима [Там же: 157]. Именно перед такой проблемой стоит и массовое сознание современных россиян. Вытеснение трагедии войны может привести к оправданию преступлений сталинского режима.

Именно эту опасность отметил Ю. Пивоваров: «...Культ войны, как нашего великолепного подвига, вещь понятная. Но, как мне кажется, очень опасная. Вот вдумайтесь в это. Это такое самолюбование. Это такое обезболивающее средство против сегодняшних сложностей. И ведь это, на самом деле, скрытая апология сталинского режима. Потому что с Горбачевым мы б не победили, а со Сталиным, вот, победили» [Исторический процесс... 2012]. В связи со сложившимся культом войны можно отметить и ещё одно явление. Великая Отечественная

² Такая идея была высказана Хуммелем, на которого ссылается Борозняк в отношении немецкой нации и поддержки ею гитлеровского режима. «Существование режима и его преступления... были бы невозможны без согласия и поддержки широких слоёв населения» [Борозняк 1999: 154]. Вероятно, данное утверждение может быть использовано и в отношении сталинского режима, и советского народа. В качестве косвенного подтверждения данного предположения можно привести результаты, полученные в ходе реализации Гарвардского проекта: «...Выявленное и объективно изученное общественное мнение признавало советскую систему легитимной, а власть — крепкой и законной» [Фирсов 2008: 38]. Хотя при этом стоит учитывать и тот факт, что «...лояльность внешняя и лояльность внутренняя не всегда совпадали» [Там же: 43]

³ Милитаризм же представляет собой концентрацию обычаев, представлений и интересов, которые хоть и связаны с войнами и армиями, но в любом случае требуют гораздо большего, чем просто удовлетворение военных потребностей. Отказываясь от научного подхода, милитаризм опирается на подход кастовый и культовый, на власть и веру. Армия, построенная так, что служит не целям подготовки к возможной войне, а интересам военных, является по своей сути милитаристской». Вагтс указал наиболее опасный источник милитаризма: «Гражданский милитаризм следует определить как безоговорочное принятие военных ценностей, манер, принципов и отношений. Приоритет отдаётся военным соображениям. Героическое обнаруживается преимущественно в военной службе и в военных действиях, в подготовке к которым и состоит главный интерес государства и на которые должны расходоваться главные ресурсы... Как и милитаристы в военной форме, милитаристы гражданские презирают гражданскую политику, парламентаризм, партии и т. д.» [Макаренко 2013: 15, 17–18].

война стала неким «священным символом» в истории России, — и это ещё одно препятствие в переосмыслении событий войны и предвоенного времени. Любая попытка пересмотра традиционной версии воспринимается как акт предательства Родины.

Одним из ключевых вопросов концепта дрессированной истории остаётся вопрос о цели, которой служит та или иная версия прошлого. Одна из целей была практически уже сформулирована, она предполагает скрытую или явную апологию государственного насилия по отношению к собственному населению, а также идею безответственности власти перед населением за свои действия. Но, вероятно, это не единственная цель дрессированной истории Великой Отечественной войны. Подмена памяти о трагедии памятью о победе, а также идеализация истории ВОВ преследуют и другую цель. Память о ВОВ, в частности терминология ВОВ, используется нынешней властью как ресурс для «негативной мобилизации»⁴ [Левада 2011: 280]. Так, исследование М.С. Константинова показывает, что память о ВОВ используется властью в условиях украинского кризиса. Во-первых, в массовом сознании были актуализированы определённые концепты, которые ассоциировались с определёнными моральными фреймами⁵, такие как «фашистский оккупант». Во-вторых, отречение от власти В.Ф. Януковича было преподнесено как «фашистский» переворот, а значит все сторонники «Евромайдана» получали негативную характеристику. Употребление термина «фашизм» актуализировало память о Великой Отечественной войне. С этим связывалась идея «можем повторить!»: великую победу над «фашизмом» необходимо реализовать снова, но в новых условиях. Отсюда и терпеливое отношение к «антисанкциям», ведь в прошлом «герои победы» выстояли, а значит и нынешнее поколение должно выстоять перед лицом нового «фашизма»; произошёл перенос героического образа прошлого в настоящее. В-третьих, указанные концепты подкрепляются другими: концептом о долге («деды воевали»); концептом предательства («полицаи», «пятая и шестая колонны») и др. [Константинов 2015: 226–228]. Необходимо обратить внимание, что в случае с Украиной происходит наслоение множества различных концептов, что хорошо видно из статьи М.С. Константинова.

Поскольку одним из концептов, через призму которого подаются события в Украине, является «фашистский» переворот, а украинские власти часто апеллируют к политикам США и Европы, то они предстают в массовом сознании, вероятно, как пособники «фашизма», как это и было в период Мюнхенского соглашения. В связи с этим формируется образ врага в виде Европы и США, на них также переносятся характеристики «фашистского оккупанта» которые вновь хотят навредить России, поддерживая «фашистский» режим на Украине, создавая тем самым у ее границ «зону опасности». Таким образом, составляющим компонентами дрессированной истории становится «комплекс врага»⁶ [Левада 2011: 193].

Не менее важным компонентом дрессированной истории становится «гибридность» истории, т. е. по отношению к прошлому и современности «по-особому („гибридно“) решаются вопросы ответственности и вины, чести и честности», а социологические опросы, проведённые Левада-центром показывают, что лгать стало можно, и умение солгать в глаза является показателем силы [Мы всегда правы... 2015].

⁴ Негативная мобилизация — это мобилизация подкрепляемая общим страхом, т. е. против кого-то или чего-то (против террористов, бандитов и т. д.) [Левада 2011: 280].

⁵ В самом общем виде фрейм — это «рамки, которые задают смысловое определение ситуации» [Константинов 2015: 226]. Более подробно концепция моральных фреймов представлена в четвёртом номере за 2013 год журнала «Политическая концептология»; см.: Поцелуев, Константинов 2013; Николаев 2013; Константинов, Николаев 2013, Поцелуев 2013; Константинов 2013.

⁶ «Комплекс врага — более сложное понятие, которое охватывает представления о структуре, функциях, происках, пособниках и тому подобных „вражьи силы“, а также и убеждение в необходимости самой фигуры „врага“ как универсального источника бед и страданий людей» [Левада 2011: 193].

Таким образом, можно сделать ряд весьма общих выводов, далёких от претензий на истину в последней инстанции. Во-первых, дискуссия о Великой Отечественной войне далека от своего завершения, если вообще она может когда-нибудь завершиться. Остаётся много вопросов, которые ещё не решены, и которые, вероятно, ещё найдут своё решение, в силу того, что засекреченные документы рано или поздно будут рассекречены. Во-вторых, даже несмотря на наличие многих проблем, нельзя сказать, что в изучении истории ВОВ нет продвижения. Ряд историков пытаются переосмыслить историю ВОВ под другим углом, что позволяет усомниться в истинности традиционной версии. В-третьих, память о войне является для власти важным ресурсом негативной мобилизации, создания образа врага, апологии сталинского режима и его преступлений, оправдания насилия по отношению к собственному населению со стороны власти, а также идеи безответственности власти перед собственным народом.

Борозняк А.И. 1999. «Третий рейх» в современной историографии ФРГ. — *Вопросы истории*. — № 10.

За любовь... 2015. За любовь к Сталину придётся заплатить. Сколько и когда? — *Левада-центр*. — Доступно: <http://www.levada.ru/2015/04/03/za-lyubov-k-stalinu-pridyotsya-zaplatit-skolko-i-kogda/>. — Проверено: 12.09.2015.

Ильинский И.М. 2015. В поисках правды об истории Великой Отечественной войны. — *Стратегические приоритеты*. — № 1 (5).

Исторический процесс... 2012. Исторический процесс: Великая Отечественная. — *Православие и мир*. — Доступно: <http://www.pravmir.ru/istoricheskij-process-velikaya-otechestvennaya-tekstvideo/>. — Проверено: 12.09.2015.

Константинов М.С. 2013. Коммунитаристская критика либеральной концепции моральной нейтральности. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 4. — С. 240–250.

Константинов М.С. 2015. Политический цинизм в контексте российско-украинской информационной войны (статья 1). — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 2. — С. 225–230.

Константинов М.С., Николаев И.В. 2013. Фреймы и концепты морального обоснования консерватизма. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 4. — С. 213–226.

Лаптев Н.М. 2015. К вопросу о решающем вкладе СССР в победу над Германией. — *Иркутский историко-экономический ежегодник*, Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права.

Левада Ю.А. 2011. Сочинения: проблема человека. — *Ю.А. Левада: [сост. Т.В. Левада]*. — Москва: Издатель Карпов Е.В.

Макаренко В.П. 2014. Русская власть и модернизация: общие тенденции на фоне новейших исследований. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 1. — С. 6–22.

Макаренко В.П. 2013. Современный российский милитаризм (статья вторая). — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 4. — С. 6–20.

Мандрик И.В., Пархимович Н.Н. 2010. Проблемы войны. Обращение к прошлому и настоящему. — *Учёные записки УО ВГУ ИМ. П.М. Машерова*. Т. 10. — Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова.

Мединский В.Р. 2011. *Война. Мифы СССР. 1939–1945*. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп».

Мельтюхов М.И. 2000. *Упущенный шанс Сталина*. — М.: Вече.

Мы всегда правы... 2015. Мы всегда правы: гибридный подход к истории. — *Левада-центр*. — Доступно: <http://www.levada.ru/12-05-2015/my-vsegda-pravy-gibridnyi-podkhod-k-istorii>. — Проверено: 13.09.2015.

Начало... 2011. *Начало Великой Отечественной войны в современной историографии: Сб. обзоров и реф.* — М.: ИНИОН РАН.

Невежин В.А. 2006. Стратегические замыслы Сталина накануне 22 июня 1941 года. — *Правда Виктора Суворова*. — Доступно: http://mirknig.mobi/data/2013-03-07/1336547/Felshinskiy_PRAVDA_VIKTORA_SUVOROVA.1336547.pdf. — Проверено: 15.09.2015.

Николаев И.В. 2013. Морально-когнитивные основы либерального понимания свободы. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 4. — С. 200–212.

Поцелуев С.П. 2013. Моральные мотивы и моральная риторика в марксизме и социализме. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 4. — С. 227–239.

Поцелуев С.П., Константинов М.С. 2013. Деятельностный подход: мораль в структуре политических взаимодействий. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 4. — С. 187–199.

Проектор Д.М. 1989. *Фашизм: путь агрессии и гибели*. — М.: Наука.

Ферро М. 2010. *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*. — М: Книжный Клуб 36.6.

Фирсов Б.М. 2008. *Разномыслие в СССР 1940–1960-е годы. История, теория и практика*. — Спб.

Фуко М. 1999. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. — М.

Чубарьян А.О. 2005. Белые пятна в истории великой войны. — *Полит.ру*. — Доступно: <http://polit.ru/article/2005/06/24/istoria/>. — Проверено: 10.09.2015.

Шнирельман В.А. 2006. *Быть Аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке*. — М.: НЛЮ.

Шубин А.В. 2008. «Клещи» Сталина. — *Трагедия 1941-го года. Причины катастрофы*. — М..